

ПЕРВОМАЙ
В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

— А сейчас на площадь выходит колонна космонавтов...

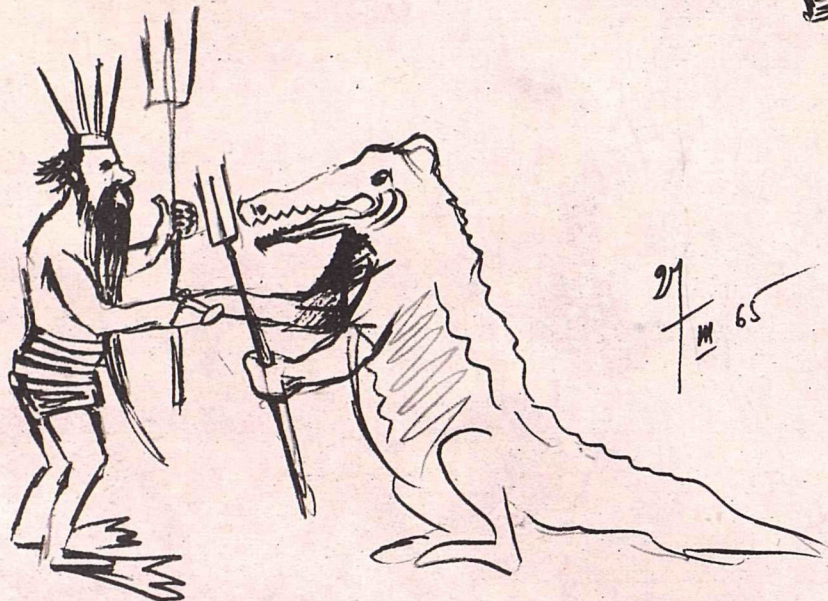
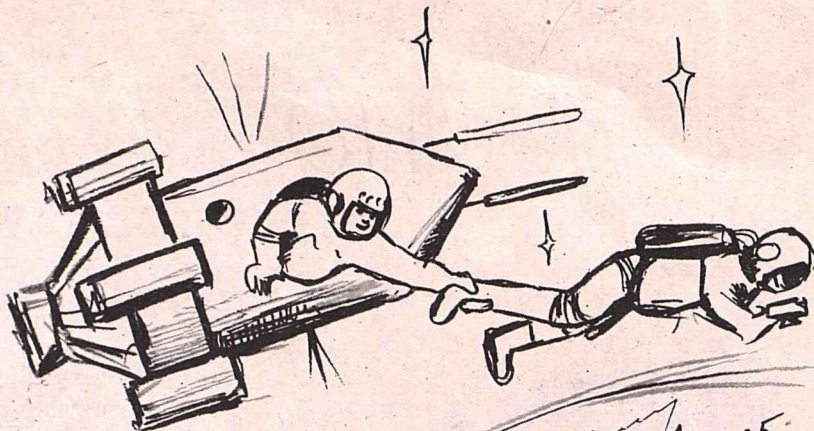
Рисунок В. ГОРЯЕВА

КРОКОДИЛ

№ 12 (1770) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 30 АПРЕЛЯ 1965

ОТ НАШЕГО КОЛЛЕГИ

Крокодилыц подарил космонавту Алексею Леонову стихи и рисунки, посвященные его «вылазке» в космос. В свою очередь, Алексей Леонов подарил Крокодилу эти две зарисовки. На одной мы видим «плавание» космонавта вдали от нашей планеты, другая же посвящена крепкой профессиональной дружбе двух обладателей острых вил — «Крокодила» и «Нептуна». Читателю, конечно, известно, что «Нептун» — это сатирическая стенная газета космонавтов, редактором и художником которой является наш коллега Алексей Леонов.

Приветствую читателей «Крокодила» — старшего брата «Нептуна». А «Крокодилу» желаю новых успехов на сатирической орбите.

Алексей ЛЕОНОВ

ЯРОСТНЫЙ ПЕРВОМАЯ В НОРАКЕ

...Ибрагим-бек натянул поводья, и тонконогий скакун затанцевал у края стремнины. Бешеный Вахш плелся холодными хлопьями пены. Все оборачивалось против Ибрагима, даже река.

Басмач был голоден и зол, как барс, угловидный в капкан. Советская власть наступала на пятки. Ибрагим долго сражался с ней, но теперь настала развязка. Кончились английские патроны. Иссяк французский табак. Не прибывала американская тушенка... Остался один путь — в горы.

Размазывая по бороде злые слезы, Ибрагим-бек прищипил коня и оглянулся. Далеко-далеко позади, в пустынном ущелье, замелькали буденновские шлемы. Советская власть входила в Нурек...

Оговоримся в интересах чисто фактической справедливости: не Нурек, а Норак. Ибо что такое «нурек»? Огонек. А что такое «норак»?

В испанском языке есть богатое слово — «норакхадита», что примерно значит «замечательно — прекрасно — деликатно — апельсинно-золотистый». Уфф!.. Чтобы получить «норак», нужно ко всем перечисленным эпитетам прибавить еще такие: «Огненно-мощно-согревающе-величественный».

Итак, еще раз: что такое «норак»?

Электрическое сердце мощностью в 2,7 миллиона киловатт, трехсотметровой высоты, с километровыми аортами тоннелей. Оно погонит по высоковольтным артериям миллиарды киловатт-часов на Яванский электрохимкомбинат. Оно оросит тысячи иссушенных зноем гектаров в Таджикистане и соседних

республиках. Оно вдохнет жизнь в азототуковый и алюминиевый заводы, зажжет электрические лампочки на всех дорогах.

А пока все дороги Таджикистана ведут в Норак, и самая оживленная — та, что идет из Душанбе. Она исписана вдоль, поперек и даже вверх. Поначалу надписи носят интимный, лирический характер — вроде той, что огромными буквами выбита на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря: «Ефим Бабин был здесь. 3.VII.63».

Читая это, шоферы тяжелых машин задирают головы, отдавая дань отважному верхолазу. Это как раз то, что меньше всего следует делать. Недаром пленительный Рудаки писал про эту дорогу: «Путник, помни, что на этой тропе жизнь твоя, как слезинка на реснице». Работники ГАИ украсили бетонную тропу более решительными призывами. Сбавь же ход, ротозей, если не хочешь, чтобы твоя слеза скатилась на лист милицейского протокола...

А дорога идет, и надписи наливаются все большим гражданским накалом. И, наконец, короткое, стреляющее: «Мы покорим тебя, Вахш!».

Это написано у самого въезда в Норак. Кстати, правильное звучание этого слова чем-то похоже на клеток орла, парящего над разъяренным Вахшем. Может быть, нет необходимости, чтобы работники различных учреждений произносили его и писали в ведомственных бумагах именно так — с апострофом посредине: «норак». Но город, возникший здесь всего три года назад, этого заслуживает.

Посмотрите на него: он действительно деликатно-апельсинный. На всех подходах к нему

бушует цветущий миндаль. Но в то же время он и мощный и согревающий. Свежая индустриальная пыль вздымается к миндаю, и грохот взрывов перекрывает бессильное рычание Вахша.

Они в самом деле покорят его, багатуры, вельсачки, умницы — Бородин, Борисов, Мамонтов с тоннельного участка № 3, проходчик Ахмедов, бригадир Каримов, главный маркшейдер Анна Ивановна Кельдюшевская... Это они грызут, бурят, режут, взрывают умопомрачительную толщу олевролита и песчаников.

День-ночь, день-ночь, забывая усталость, забывая самих себя, делают они то, что на четком языке прорабов называется «обеспечением фронта работ». И первый редут, который они должны взять, — Вахш.

— Мы непременно покорим Вахш, — говорит Михаил Бородин, — если нам вовремя дадут запасные части к самоходным буровым установкам — коронки, хвостовики, шланги...

Очевидно, они укротят его даже раньше намеченного срока, если Костромской завод строительных машин будет поставлять более подходящие зубья для скальных экскаваторов «ЭКГ-4». Ну что у вас за зубья, дорогие товарищи костромичи! Одни — ничего себе, другие ломаются после первых же «укусов». Такими зубами не укусишь даже ваших вполне ответственных бракоделов. Тут требуются кушачки понадежней...

Заодно надо бы впитаться подходящими зубьями в тех, кто не поставляет запчасти для двенадцатитонных «КРАЗов». Безработные поневоле шоферы, гуляя с любимыми под луной, красной, как гиссарский гранат, вдруг останавливаются и бормочут:

— О желанные двигатели, о любимые коробки скоростей... Где вы, незаменимые в полном смысле слова поршневые группы!..

И девушки безропотно, печально глядят на любимых шоферов. Ничего не поделаешь — запчасти!

Рассказывают, что когда местного хозяйст-

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Сменяются года,
Эпохи — рядом.
На это никогда
Ворчать не надо.

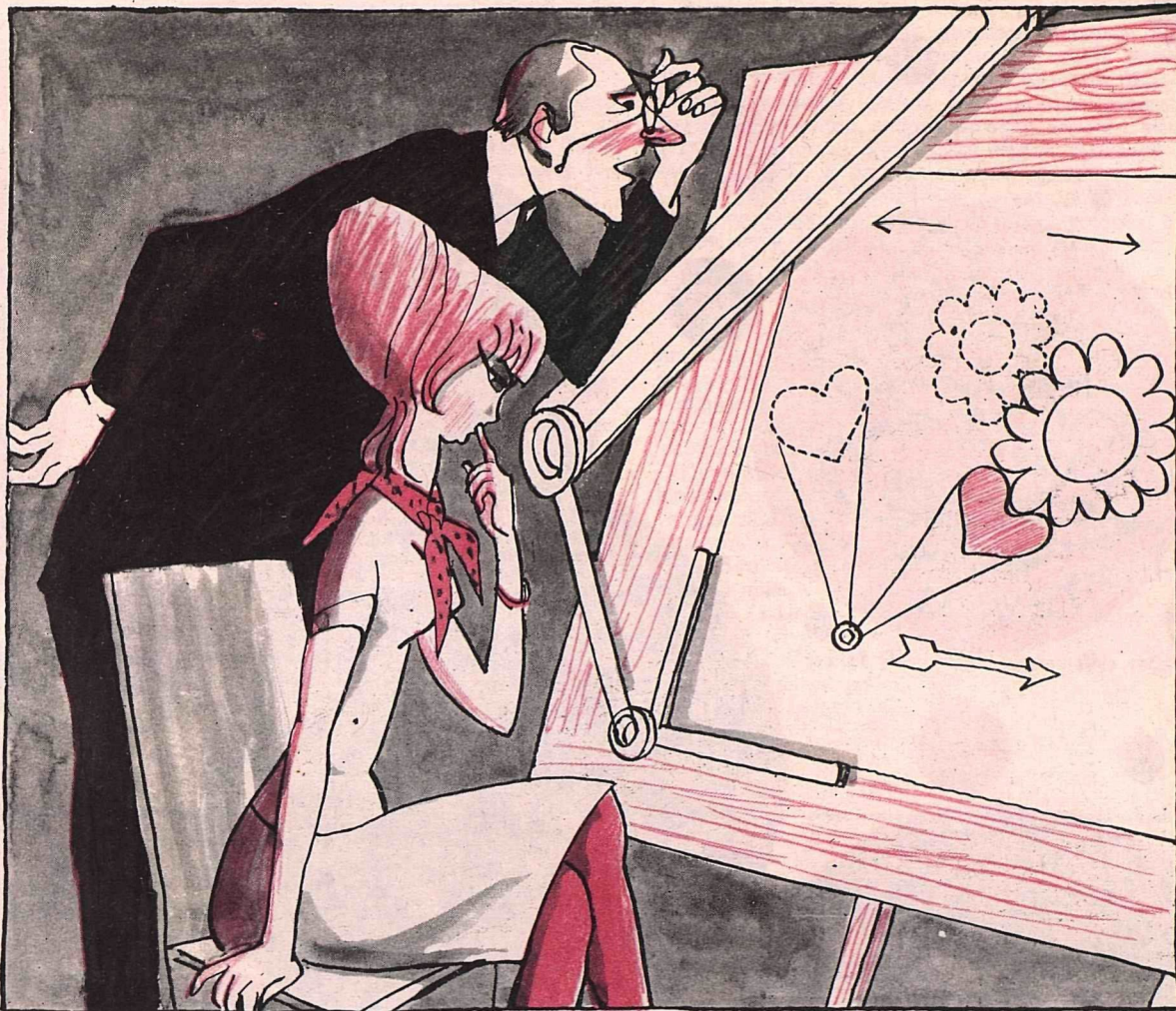
Вслед за зимой весна
На белом свете.
Иные времена —
Иные дети.

Стремятся на Луну,
Шагают в Завтра.
Играют не в войну,
А в космонавтов.

Иные чудеса,
Иные ритмы,
Иные голоса,
Иные рифмы.

На высшей высоте
Дела земные.
И сыновья не те,
И мы иные.

Иные времена,
Иные вести,
Иные имена,
Иные песни!

— Да вы что, влюбились?

Рисунок Е. ГОРОХОВА

венника попросили помочь «Комсомольскому прожектору», поблдевший товарищ отпрянул назад и крикнул:

— Нет, нет! Не шутите со мной так! У меня на складе нет ни одного прожектора!

Он долго не хотел верить, что от него не требуют никаких материальных ценностей. А чуть позже затюканный коронками и поршнями начальник горько хохотал вместе со всеми. И хохот перекрывал клекотание Вахша...

Бурлил Вахш, гранатовая луна цеплялась за бело-розовую кипень миндаля, а в город, в весну, в квартиры входил яростный Первомай. Он здесь именно яростный — с непокрытой головой, непримиримый к недостаткам, не признающий послаблений в труде.

Встань на широком проспекте Ленина — кругом Норака. Вон там, на горе, один из четырех микрорайонов — Лангар. В нем юрты и кибитки. Там живут неотесавшиеся пока новички, новоселы. Вкусил от бивачной жизни — перебирайся в собственно Норака, центральную часть. Тут комфортабельные здания, магазины, стадион на три тысячи мест. Поедешь направо — попадешь в Дисабор и Сарибора: коттеджи, общежития, двухэтажные дома.

Зайди в любой из них. Какие люди тут живут! Иноят Мирзошарипов, бригадир бетонщиков, строивший проспект Ленина, и маляр Прасковья Блинова, и Абдухамид Набиев, вожак комплексной хозрасчетной бригады. Имеется свой миллионер — Прохор Полосухин, вынуженный больше миллиона кубометров скальных пород.

В Нораке есть и дом с привидениями. Его посещает призрак тов. Листрового, главного инженера Норакаского проекта. Покуда бранные тела главинжа наслаждаются материальными благами в Ташкенте, за 1500 километров от Норака, дух инженера, пугая дружинников и влюбленных, бродит по центральной артерии города.

Привидение тихо гукает, протягивая гражданам проектные синьки и прочую документацию.

— Я хотел бы жить и умереть в Нораке, — не краснея (что так свойственно привидениям), заявляет призрак тов. Листрового.

— Не верим! — хором восклицают граждане, оправившись от первого испуга. — Все это мистика. Ведь вы только дух, пустое место. Так даже несерьезно! Сколько можно обещать? Раньше ваш оригинал сюда не ехал, жаловался, что нет квартиры. А теперь ему вон какое жилье отгрохали...

Прикрываясь документацией, теряя на ходу клятвы и обещания, призрак бежит в горы.

— С ванной! — кричат ему вслед норакацы. — А где, кстати, технический проект плотины и дорог? Где хорошие проекты школ, бань и ирригационной сети? Почему до сих пор не утвержден проект центра города? Нет уж, пусть товарищ Листровой лично приезжает в Норака и живет в своей квартире!

Привидение смутно бормочет, что вообще всей проектной документацией Нурекской ГЭС занимаются двадцать шесть проектных организаций — хороших, но слишком разных, — и еще быстрее удалится в горы. Оно пробегает мимо весьма популярной в городе «Беседки любви». На ее колонне какой-то неудачник и пессимист меланхолически начертал химкарандашом: «Любовь — это горечь и разлука». «Вранье!» — категорически возразил чуть ниже анонимный жизнелюб и оптимист.

В Нораке детские сады, школы на пятьсот и более сорвиголовских мест.

В разгар беседы с первым секретарем горкома партии Павлом Ивановичем Горбачевым раздается телефонный звонок. Кто говорит? Света Кожуркина. А может быть, ты не туда попала, Света Кожуркина? Нет, Света попала именно туда. Ей нужен дядя Горбачев. Лицо секретаря расплывается в хитрой улыбке. По-

чему мало игрушек в детском садике? Секретарь делает пометку в календаре...

Завтра мэр города Шукуров привезет из Душанбе Мишек и Микки-маусов. Точнее, он прилетит с ними на вертолете в тот самый час, когда на боксерском ринге спортзала неумелые любители тяжело бьют друг друга, а кафе «Табасом» угощает зеленым чаем.

Впрочем, зеленый чай пьют здесь всюду, поголовно все, в абсолютно любое время дня и ночи. Зеленому чаю посвящают кантаты, триптихи и диссертации. Пейте зеленый чай — и ваши дети вырастут здоровыми, красивыми, богатыми, а ваши враги будут худеть, бледнеть и систематически лишаться премиальных...

Прыгая на одной ноге, дабы вылить из ушей зеленый чай, я покидаю кафе «Табасом» и иду к «Беседке любви». Нет, нет, я один, единственная моя спутница — луна, хотя я и иду объясняться в любви.

Норака... Разрешите признаться в любви к тебе, став коленом на деревянные перила. Так лучше тебя видно. А утром уезжать, и на душе грустно...

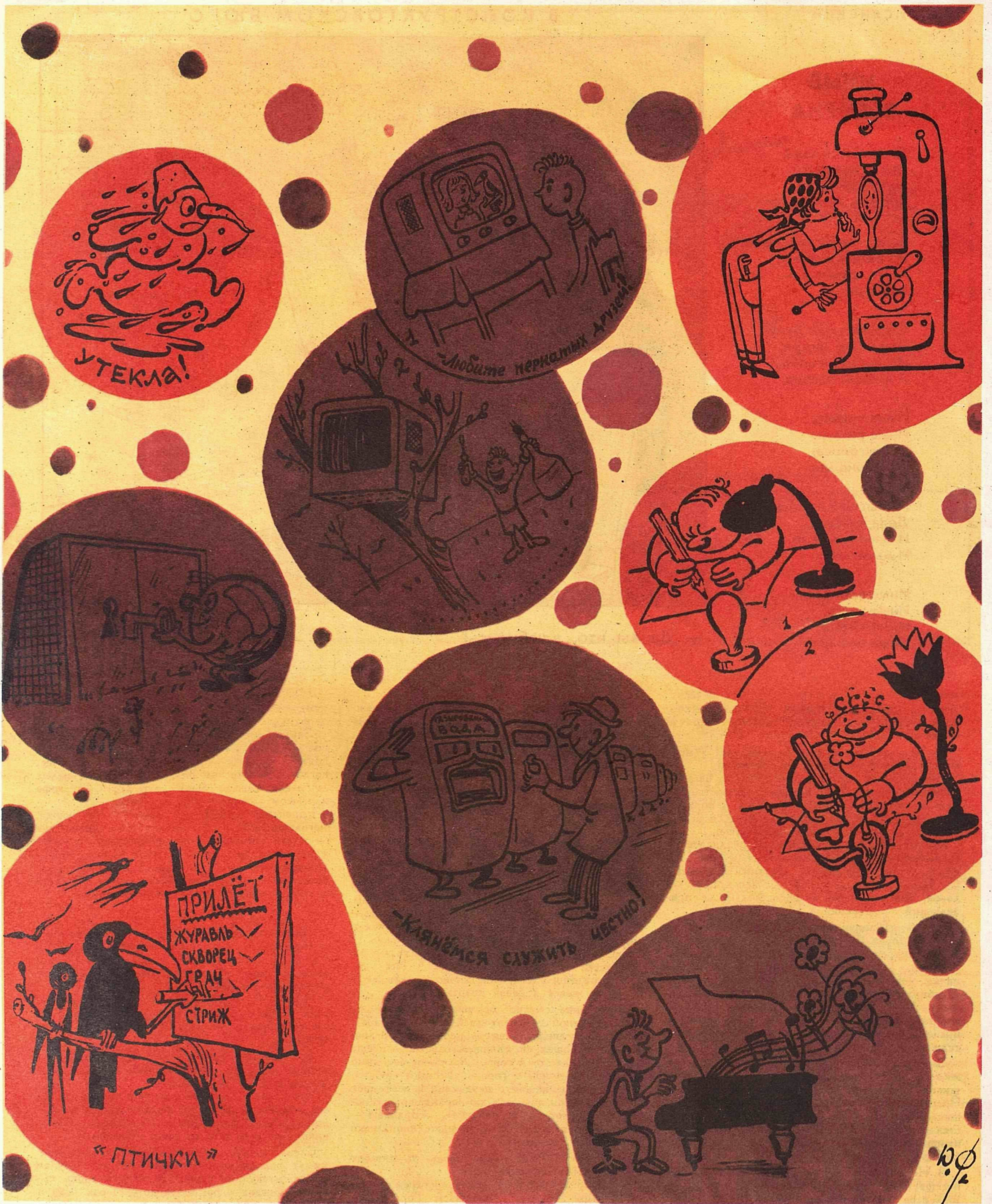
Вот там, прямо подо мною, искрится ювелирным набором огней главный проспект. Это в него стрелял Ибрагим-бек.

Чуть левей — широкоэкранный кинотеатр. На его мозаичном фронте парень-строитель держит в руках укрощенную электрическую молнию. Это и в него стрелял Ибрагим-бек.

Слева, справа, сверху, кругом сегодня поднимут первомайские бокалы те, кто трудом своим, мускулами своими и сердцем своим вызвал к жизни огромное чудо — Норака. Это и в них стрелял Ибрагим-бек.

Безумец!

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Кронодила
г. Норака.

ВЕСНУШКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

А. САЛЕНКО

МЕНЯ ВОСПИТЫВАЮТ...

До женитьбы я считал себя неглупым мужчиной с несгибаемой волей. Мне казалось, что из меня получится если не великий полководец, то на худой конец покоритель вершин, а в крайнем случае просто хороший муж.

Но жена быстро и решительно рассеяла эти мои заблуждения.

Оказалось, что я ничего не умею делать, не разбираюсь в модах и людях. Меня надо воспитывать и воспитывать. И если из меня выйдет

что-нибудь путное, этим я буду обязан только жене — и никому другому.

Мое перевоспитание началось на второй день после свадьбы. Жена принесла из школы, где была классным руководителем, лист ватмана и сказала:

— Вася, сегодня ты будешь рисовать нашу классную газету. Она называется «Ежик».

— Увы! — горестно развел я руками. — Своими успехами я, бывало, доводил учительницу рисования до истерики.

— Вот и прекрасно! — сказала жена. — Теперь ты научишься тому, чему не научился в школе.

Через двадцать две бессонные ночи я рисовал как профессиональный художник. Жена познакомилась с редактором классной стенной газеты Владиком Бретьелькиным, и тот дважды в месяц вывешивал в классе свеженький номер. На городской выставке стенной печати наш «Ежик» получил грамоту, а Владик — транзисторный приемник. В школе по этому поводу был устроен вечер. Директор долго жал руку моей жене и со слезами на глазах благодарил за то, что она сумела воспитать в своем классе такой могучий самобытный художественный талант. И еще он говорил, что не удивится, если Владика примут в художественный институт без вступительных экзаменов.

Но великий художник умер в тот день, когда заведующий гороно подписал приказ об организации выставки самодействующих приборов, созданных учащимися.

— Дорогой мой! — сказала мне вечером жена. — Ты понимаешь, какие возможности откры-

ваются для твоего воспитания в свете поставленной задачи?

Я понял. Тюбики с красками и кисти были выброшены на свалку, а мольберт порублен на дрова. Их место заняли токарный станок и рутные выпрямители. Осциллограф я купил на рынке за собственные деньги. Зато плазменноэлектрический генератор, собранный мной вместе с его автором, учеником 8-го класса Колей Бубликом, был отправлен в республиканский центр на выставку. Попутно, работая над генератором, я открыл таусинхрокогерентные явления, которые в специальной литературе теперь называются «эффектом Бублика».

И все-таки этого оказалось мало, чтобы стать настоящим мужчиной.

Требовалось (разумеется, исключительно в целях моего воспитания) вести в школе радиокружок, обучить сорок восьмиклассников езде на мотоцикле, организовать любительскую киностудию и вырастить с юннатами пять-шесть новых сортов клубники.

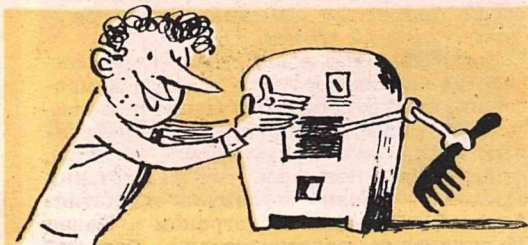
Летний отпуск я должен посвятить ремонту школьного здания и вышиванию крестом скатерти для выставки школьных кружков рукоделия. Скатерть я, видимо, не успею закончить, и ученица 5-го класса Вера Пуговкина не получит первый приз.

Жена, конечно, стукнет кулаком по столу и скажет:

— Я так и знала! Настоящий мужчина из тебя никогда не получится!

г. Херсон.

М. ЗАХАРОВ

ДАР УБЕЖДЕНИЯ

Явился изобретатель и предложил прекрасную идею.

— Представьте себе изящный агрегат высотой в два метра, — радостно сказал он, развернув на моем столе кипу чертежей. — Клиент опускает монету достоинством в пять копеек и вставляет голову в специальное отверстие. Тотчас же срабатывает автоматическое реле, и в зависимости от густоты волосного покрова две синхронно работающие расчески производят ряд чесательных операций. В случае если голова оказывается лысой, раздастся звонок, и клиент получает свою монету обратно.

— Это хорошо, — сказал я, подумав. — Дело

нужное. Актуальное. Важно теперь только определить наиболее экономичный режим работы вашего автомата.

— Не понимаю, — удивился изобретатель.

— Со скольких часов начнем чесать клиентов? Вот вопрос! — сказал я изобретателю. — В часы пик, мне думается, начинать нецелесообразно. Ни одно уважающее себя заведение в наше время не открывается раньше одиннадцати часов дня. Если включить автомат до одиннадцати, каждый, кому не лень, начнет с утра пораньше совать в него свою голову. Поэтому, мне думается, следует начинать ровно в двенадцать. С двенадцати до двух чешем без перерыва. С двух до трех закрываемся на обед!

— Зачем же автомату закрываться на обед? — подскокил на месте изобретатель. — На то он и автомат, чтобы без обеда!

— Не знаю, не знаю, — подумав, сказал я. — Обед — это не так уж плохо. И потом, у нас все закрывается на обед. Ничего страшного! Не успел причесаться до обеда — погуляй часок нечесаным, приходи после трапезы и причесывайся себе на здоровье, пока не стемнеет!

— Пока не стемнеет? — снова удивился изобретатель.

— Конечно, — объяснил я. — До первых сумерек. Часов, я думаю, до семи почешем. Точнее, до шести сорока пяти. За пятнадцать минут будем отключаться.

— С шести сорока пяти отключаться?! — со-

крушенно пробормотал изобретатель. — А что же потом делать?

— Потом хорошему человеку делать нечего, а автомату тем более, — объяснил я. — Когда на улице темно, все приличные заведения должны отключаться. В этом вопросе у нас накоплен богатый опыт.

— Что же это такое? — огорчился изобретатель. — Неполных шесть часов работы — и все?

— Почему это все? — удивился я. — В предпраздничные дни будем отключаться на час раньше.

— Еще раньше?!

После этих слов изобретатель так загрустил, что мне стало его искренне жаль.

— Действительно, получается маловато, — сказал я ему через некоторое время. — Может, до обеда тогда вообще не включаться? Работать так уж сразу после обеда?

— После обеда можно причесаться и самому, без автомата! — подумав, возразил изобретатель.

— Кстати, можно и до обеда! — дополнил я мысль изобретателя.

— Знаете что, — вдруг воскликнул он, просветлев, — может быть, тогда вообще не следует включать автомат? Мне думается, вы очень точно и последовательно убедили меня в нецелесообразности круглосуточного обслуживания населения.

— Если бы только вас! — неожиданно признался я. — К сожалению, я всех в этом убедил.

Вл. ПАНКОВ

РЫБИЙ ЖИР

Завидуете моему здоровью? Наверное, самим хочется в ледяную прорубь? Поплещаться, понырять, а потом до красного каления растереться мохнатым полотенцем!

Что, рано еще? А хотите знать, с чего я начала? С рыбьего жира. Нет, что вы, я им не мажусь. Рыбий жир нужно употреблять внутрь.

Этого только мой сын Вовка не хочет признавать.

До каких только хитростей не додумывались мы с мужем, чтобы вливать в Вовку этот самый напиток! Нервничали, кричали, швырялись ипрушками. А сыну все нипочем. Не желает — и точка.

Но вот однажды предпринимали мы очередную попытку протолкнуть Вовке в рот ложку рыбьего жира. Чтобы как-то отвлечь малыша, отец сделал стойку на руках. Вовка, ужасно удивившись, разинул рот. Собственно говоря, я тоже удивилась, как это мой муж, успевший уже нагулять животик, способен на такие гимнастические прыжки.

Между тем Вовке это понравилось. Муж каждый день теперь делал стойки на руках, а сын исправно пил рыбий жир. Наконец сын понял, что с ним хитрят, и перестал удивляться.

Тогда сделала стойку я. Сын не среагировал. Я подпрыгнула под потолок. Тут уж удивились все. Даже я. Дело в том, что в молодости я была легкой спортсменкой, но постепенно... Ах, все мы постепенно опускаемся!

Прошло некоторое время, и прыжки тоже наскучили сыну. Пришлось нам с мужем разнообразить свои упражнения: я исполняла танец с булавами, а он поднимал штангу.

Потом я стала прыгать со скакалкой, а он — избивать боксерскую грушу. Потом нам пришлось заняться парной акробатикой, бадминтоном, фигурным катанием на роликах и вот, наконец, зимним плаванием.

Здоровья у нас — хоть отбавляй! И все рыбий жир помог. Вон, видите, на берегу муж с ложкой сидит. Сейчас я нырну, и Вовка проглотит очередную ложку. Следите внимательно: р-раз!..

А. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза

МАСКАРАД В УГРИНИЧАХ

Случилось это в конце 1943 года в селе Угриничи, затеряншемся среди лесов и болот оккупированной врагом Волыни. Однажды перед прихожанами местной церкви появился моложавый священник и прочел проповедь.

Однако его проповедь лишь в самом начале состояла из библейских цитат. Затем моложавый батюшка зачитал собравшимся в церкви крестьянам последние сводки Совинформбюро о налетах советской авиации на Берлин, об успешном продвижении войск 1-го Украинского фронта. Эти новости были выслушаны с величайшей радостью.

Все бы тут хорошо, но вдруг оказалось, что под видом священнослужителя в церкви выступил политрук одной из рот нашего партизанского соединения Василий Коновалов. И раба божьего Василия привлекли к партийной ответственности «за оскорбление религиозных чувств верующих».

— Ну, рассказывай, товарищ Коновалов, что ты там натворил в угриничской церкви? — строго обратился к нему секретарь партбюро Семен Газинский.

— Ничего я не натворил. Проводил работу с населением, — ответил Вася.

— А лучшего места не нашел?

— Трудно найти лучшее. Аудитория огромная!

— Аудитория! Ты еще скажи, зрительный зал. Церковь — это тебе не театр, товарищ Коновалов! — напомнил секретарь партбюро.

— Знаю, что не театр, — буркнул Вася.

— Плохо знаешь, если затеял там инсценировку! Теперь признавайся честно — поповскую ризу надевал?

— Надевал, но не ризу, а рясу... Разбираться надо!

— Ладно, пусть будет ряса... Значит, надевал! А как с бородой было? Наклеивал?

— Какая там борода? Это уж преувеличили!.. Просто небольшая бородка, что-то на манер эспаньолки... Пришлось наклеить. Отец Никодим самолично посоветовал.

— Какой еще Никодим? — Отец Никодим, нынешний настоятель церкви в Угриничах... Ничего себе, добрый старикан! Кое в чем помогает.

— Обожди, Вася! Разве священник этот знал про твой маскарад? — спросил кто-то из членов партбюро.

— Как же ему не знать! А кто мне рясу дал? Кто библию дал? Кто на кли-

рос вывел и сказал, что приехал новый батюшка?.. Сам-то Никодим зачитать сводки побоялся.

— Тогда батюшка похрабрее и объявился? Отец Василий! Во как! — усмехнулся Газинский.

Рассмеялись и другие. Одному Васе было не до смеха.

Строгое расследование все же установило, что Коновалов «проповедовал» в церкви действительно с полного согласия и при помощи настоятеля. Но пришлось Васю предупредить:

— Больше такими методами не агитируй!

Само собой, Вася подчинился. Но при необходимости он выступил бы и в роли архиерея. Потому что по довоенной своей профессии Василий Коновалов — драматический артист.

Когда началась война, наше партизанское движение сразу же сделалось массовым, всенародным. Вступали в партизанские ряды люди самых разнообразных профессий. Среди наших минеров, подорвавших несколько сот фашистских эшелонов, были художник-плакатист Алексей Садиленко, агроном Павел Мышлякевич, золотоискатели Василий Кузнецов и Федор Широкий. А моим заместителем по диверсионно-подрывной работе оказался Алексей Степанович Егоров, до войны финансовый работник. Перемена специальности оказалась для Егорова настолько успешной, что в рядах партизан он стал Героем Советского Союза.

Как видите, на войне люди всяких профессий годятся...

А. ТВАРДОВСКИЙ

ДЕД ДАНИЛА — ПРОВОДНИК

Шел Данила через бор,
На опушку вышел.
Непонятный разговор
За кустами слышит.
— Стой, Полкан! — Исподтишка
Пораздвинув ветки,
Дед увидел три штыка
Вражеской разведки.

Свой старинный дробовик
Под кустом запрятал —
И к солдатам напрямик
С видом простоватым.
Унтер — хватать за пистолет!
Только видит что же!
Перед ними просто дед,
Набожный, похоже.

— Слушай, — унтер говорит,
Сдвинув брови строго. —
Где тут мельница стоит,
Покажи дорогу.
Услужить Данила рад
Даром, не за плату.
— Провожу, куда велят
Господа солдаты.

Дед идет. Солдаты — вслед,
Пес бежит лохматый.
— А не сбился сам ты, дед! —
Говорят солдаты. —
Может, ту тропу забыл,
Ищешь ветра в поле!
— Что вы, сам солдатом был
При царе Николе...

Дед все глубже в лес ведет.
Лес — родная хата.
Вот поляна, поворот,
Тут свои ребята...
— Эй, ты, дед, куда! Постой! —
Крикнул унтер строго.
— Извиняюсь, за нуждой
Отйду немного...

Унтер выстрелить готов,
Слышен лай Полкана.
— Руки в гору! — Из кустов
Хлопцы-партизаны.
Всех троих связал отряд,
Вот и делу крышка!
А старик побрел назад
Подобрать ружьишко.

1941 г.

— Что так любовно смотришь на снаряд?
— Узнаю работу жены.

Рисунок П. ШУХМИНА
(Журнал «Фронтальной юмор» № 6, 1942 г.)

Радио донесло...

Эти кадры удалось заснять военному журналисту Г. Зельме.
Шла Сталинградская битва. Каждый дом — крепость. И вот в самый разгар ожесточенного боя советский воин принимает ванну. Точнее, в полном боевом снаряжении, в тулупе и в валенках, удобно расположился в ванне. Что и говорить, позиция на редкость удобная! Ну как ею не воспользоваться!..
Сражение на Волге завершилось победой советских войск. И вот фото — последний гитлеровец, одетый по новейшей «драп-мод», покидает Сталинград...

Это было в середине октября 1944 года. Мы сидели в кают-компании за ужином, когда в репродукторах зазвучали позывные Москвы. Мгновенно исчезла некоторая скованность, вызванная тем, что за столом вместе с нами, невысоких чинов офицерами, сидел командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головкин.

— Это про нас будут передавать, — улыбнулся командующий.

Действительно, через минуту раздался знакомый голос Левитана:

— Приказ... Командующему Карельским фронтом генералу армии Мерецкову... Командующему Северным флотом адмиралу Головкину...

Бархатный голос диктора торжественно вещал:

— ...войска Карельского фронта и корабли Северного флота штурмом овладели важным опорным пунктом противника городом Петсамо и портом Лиинахамари...

Едва прозвучали заключительные слова приказа, как кто-то из офицеров заметил:

— Надо бы митинг сейчас...

— Верно, — согласился адмирал. — Займитесь, капитан-лейтенант, — обратился он к заместителю командира подразделения по политчасти. — Через двадцать минут и начнем.

— Есть! — С этими словами замполит поднялся.

— Да, вот еще что: надо, чтобы на митинге выступили наиболее отличившиеся в этих боях. Ну, скажем, старший матрос Орехов, представленный к ордену Красного Знамени. Этот орел сейчас здесь?

— Здесь, здесь, — ответили сразу несколько человек.

Замполит отправился готовить митинг. Все остальные, забыв об ужине, стали ожив-

ленно комментировать приказ, вспоминать перипетии только что закончившегося сражения за Петсамо. Назывались имена многих участников десанта, и среди них имя старшего матроса Орехова, действовавшего необычайно дерзко и самоотверженно.

Потом отправились на митинг.

— Товарищи, — начал замполит, когда все собрались, — позвольте объявить митинг по случаю... по случаю... в связи... То есть, я хочу сказать, по поводу...

Начавшийся было смехок тотчас же прекратился, едва только замполит сообразил, что ему не выпутаться из этих «по случаю» и «в связи». И решительно произнес:

— Ну, одним словом, слово имеет командующий флотом адмирал Головкин.

Пригладив слегка тронутые сединами вьющиеся волосы, командующий заговорил о славной победе, в которую североморцы внесли достойный вклад.

— Мы будем наращивать удары по врагу на всех участках, на всех направлениях огромного фронта...

Шквал рукоплесканий был ответом на речь адмирала.

— А теперь, — сказал замполит, — слово имеет старший матрос Орехов.

От большой черношinelной массы отделился среднего роста коренастый моряк. Выйдя на середину, он кашлянул, потом, сунув руку в карман, вытащил и развернул бумажку. Заглянув в нее, сказал:

— Товарищи!..

И замолчал. Потом, взглянув на замполита, делавшего ему какие-то отчаянные знаки, снова достал бумажку и, быстро пробежав ее глазами, вдруг бодро начал:

— Товарищи! Радио донесло до нас радостную весть о том, что войска Карельского фронта и моряки Северного флота штурмом овладели Петсамо...

Громовой хохот остановил его. Он недоуменно посмотрел на своих друзей-матросов, на офицеров, на командующего — все они до единого весело смеялись. Лишь лва человека не понимали причин этого внезапного взрыва веселья — герой битвы за Петсамо старший матрос Орехов и готовивший его к выступлению на митинге замполит.

Потом выступило еще несколько участников петсамо десанта. Все они горячо говорили о готовности победно завершить войну, бить ненавистного врага до тех пор, как выразился один из ораторов, пока радио не донесет до всего мира радостную весть о полном разгроме фашизма.

Весна на фронте

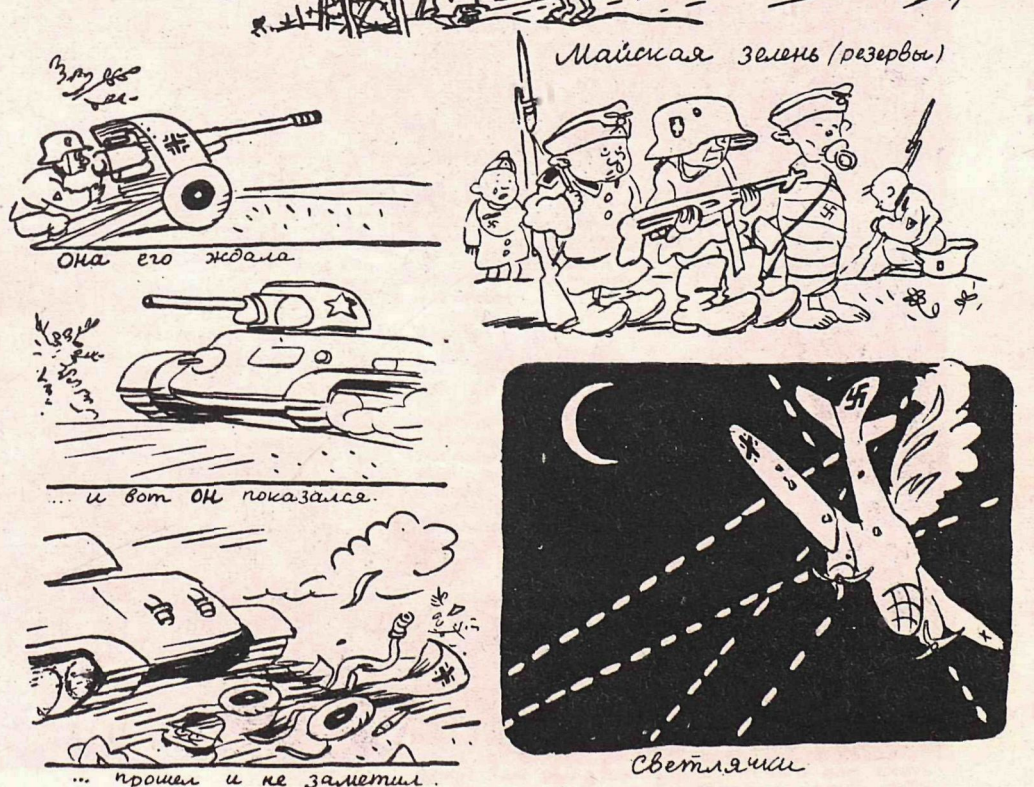

Рисунок Ю. УЗБАКОВА
из газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины», 1943 г.

Ян ОСТРОВСКИЙ

Сосед по койке справа оказался веселым парнем. Правда, всю ночь он стонал и бредил — его привезли раненым. Но к утру после переливания крови он пришел в себя и, оглядывая соседей по палате, спросил:

— Как живете, караси? — И сам себе ответил в рифму: — Ничего себе, мерси!

Все улыбнулись. Он поздоровался:

— Приветствую почтенное собрание! Лейтенант Свиридок, танкист.

Поглядев в его смеющиеся глаза, капитан Свизов сказал:

— Ну и живуч ты, танкист! Привезли почти мертвецом, а сейчас — как огурчик. Куда ранен?

— В ногу. Жалко, сапог прострелили...

— На ногу, стало быть, наплевать, — засмеялся капитан. — Сапог, выходит, важнее...

— Особенности сапоги! Дороги, братцы, как память. И к тому же хром первый сорт. Трофейная вещь!

— Почему трофейная?

— У гитлеровца отобрал. Понимаешь, когда ночью выбивали мы фашистов из Язовки, один офицер ихний вскочил спросонок и стал ноги в сапоги совать. Только... на том свете уж обулся. Смотрю на сапоги, вижу: совсем новенькие. Я их к командиру приволок. Ну, командир дозволил мне их надеть, поскольку они, видать, краденые, а мои сильно истрепались... Эх, где ты сейчас, Тиунов Василий Кузьмич?.. Жив ли? Не знаешь, бедняга, кто твои сапоги носит!..

— Постой! — внезапно вскрикнул капитан. — При чем здесь Тиунов?

— Уж будьте спокойны, зря не скажу! Каждый день, как обуваюсь, фамилию читаю. Она внутри голенища химическим карандашом написана.

— Вот история! У нас же в эскадрилье ночных бомбардировщиков есть оружейник Тиунов Василий Кузьмич... Он еще меня в полет снаряжал месяц назад. Только он никогда в плену не был. И работает, так сказать, в тылу, на аэродроме. Наверное, однофамилец.

— Все-таки написать ему надо, — заволновался танкист. — А вдруг его сапоги? Ведь не только фамилия, а имя, отчество сходятся. Немедленно напишите! Ежели

Братя ТУР

САПОГИ

его, пускай приезжает за сапогами. Мне их не надо.

— Нет, он сейчас далековато отсюда. Вряд ли сможет приехать. И к тому же, каким макаром его сапоги могли гитлеровцам попасть?.. Да нет, однофамилец!..

* * *

...Поздно вечером в штабную землянку вошел, вернее, вбежал, оружейник Тиунов и, запыхавшись, отрапортовал командиру авиационного полка майору Борису:

— Товарищ майор, разрешите доложить? Сапоги нашлись!

— Какие сапоги? — не понял майор в первую минуту.

— Ну, мои! Которые к противнику сброшены.

— Заработался ты, видать, Тиунов, — сочувственно сказал майор. — Отдохнуть тебе надо.

— Ей-богу, нашлись, товарищ майор! Вот письмо из госпиталя от капитана Свизова.

* * *

За две недели перед этим мастер по вооружению старший сержант Тиунов, справив себе новые хромовые сапоги, пришел на аэродром, имея оные под мышкой. В этот день после долгих морозов была оттепель. Аэродром подтаял. Сверху сыпалась мокрая крупа. Желая уберечь обновку от пагубных влияний атмосферы, Василий Кузьмич повесил сапоги рядом с бомбами в люке скоростного бомбардировщика и приступил к работе.

Внезапно была объявлена боевая тревога. Экипажи вскочили в машины, и сапоги Тиунова взмыли тоже и полетели на запад, где были сброшены вместе с бомбами в расположение гитлеровских войск.

Хватился сапог Тиунов только тогда, когда бомбардировщики уже прилетели с боевого задания. Рассеянный сержант погоре-

вал об обновке, но вскоре успокоился. Зато история эта дала пищу для остроумия всему полку на целую неделю. При встрече с Тиуновым летчики шутили:

— Ну что, обуваешь гитлеровскую армию?..

Прочитав письмо капитана Свизова, командир полка развел руками и сказал:

— Ну и чудеса!.. Чего только на войне не бывает...

* * *

Через несколько дней бомбардировочный полк передвинулся дальше на запад вслед за наступающей армией и разместился недалеко от городка, из которого пришло письмо от капитана Свизова. Тиунов попросил разрешения навестить капитана и заодно получить свои сапоги.

Когда Тиунов пришел в госпиталь, капитан Свизов уже готовился к выписке. Он долго счастливым, раскатистым смехом выздоравливающего человека смеялся над историей с сапогами, а на вопрос о танкисте Свиридоке ответил:

— Уехал в часть. Выписался, понимаешь, и уехал. Сейчас, милый мой, ваши сапоги далеко на западе. Хотел он мне их оставить, только не будьте на меня в претензии — не взял. Предполагал, что однофамилец... Да и не знал, когда с вами встретимся. Меня тут в тыл отправить хотели на поправку. Слава богу, отбоярился...

— Ничего, — сказал Тиунов, — пускай носит. Так, говорите, далеко на западе нынче мои сапоги?.. Интересно! — И он довольно потер руки.

Когда они с капитаном Свизовым вернулись в полк, командир спросил Тиунова:

— Ну как, сержант, привез ли сапоги?

— Нет, — ответил Тиунов и рассказал, что танкист уехал в часть, на запад.

— Придется нам теперь догонять ваши сапоги, — сказал майор. — Всем полком будем догонять. Однако боюсь, что получите их не раньше, чем в Берлине. Так и придете туда врозь. Вы отдельно, а ваши сапоги отдельно. Только ведь сносит их, этот танкист... Как пить дать, сносит!..

— Ничего, — уверенно ответил Тиунов. — До Берлина не сносит. Не успеет сносить... 1943 г.

Сергей ШВЕЦОВ

Вынужденная скромность Гитлера

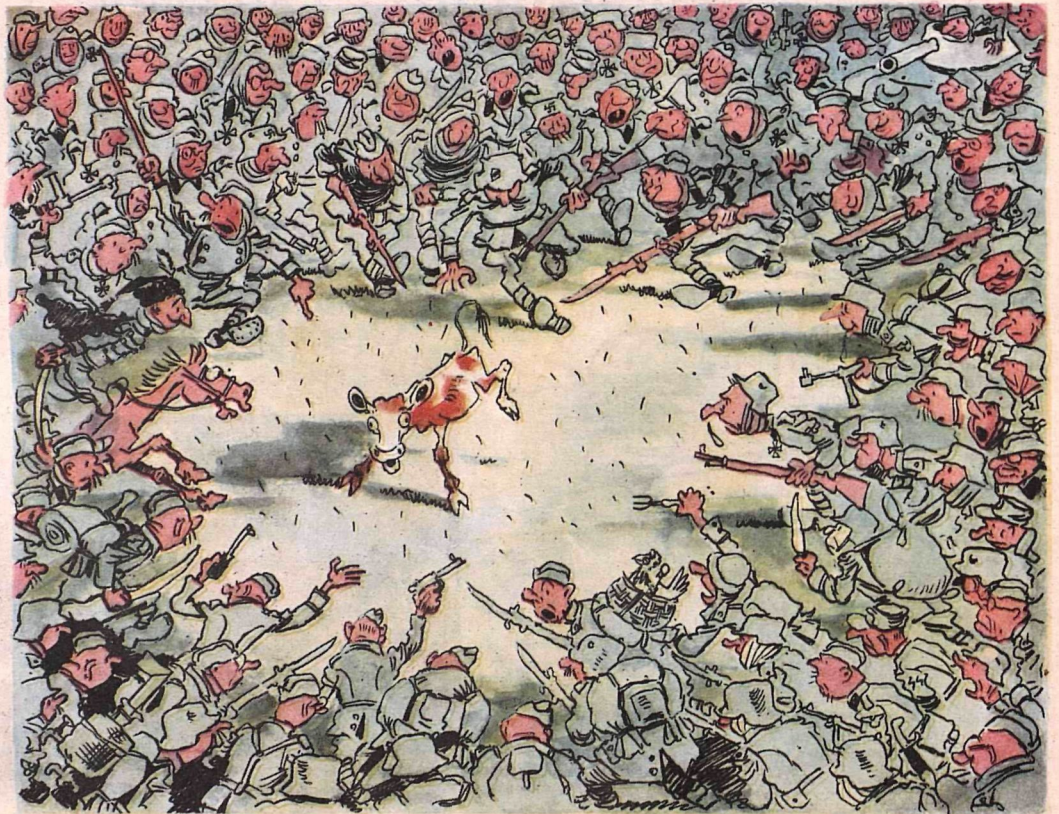
Германские власти запретили редакторам газет и журналов при оценке войны на Востоке сравнивать ее с походом Наполеона на Россию. Администрации театров предложено снять с репертуара спектакли, в которых фигурирует Наполеон.

(Из газет.)

Теперь в литературе и на сцене Он будет повторять, входя в азарт: «Помилуйте, какой я Бонапарт?! Здесь никаких не может быть сравнений! Мы скромности за ним не замечали. Откуда эта честность в подлеце? Наполеоном возомнив себя вначале, Теперь он вспомнил о его конце! 1942 г.

Теория и практика генерала Гудериана

Недавно этот танковед Книжонку выпустил на радость людоедам. В ней, смело от «побед» идя к «победам», Он росчерком пера «завоевал» весь свет! И этот же хвастливый генерал, Фашистский военспец и теоретик, От наших войск под Тулой удирал, В дороге растеряв машин своих две трети! Его полки разбиты нами в дым. Сидит Гудериан, уныл и мрачен... В теории он был непобедим, На практике — расколосмачен! 1942 г.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА Из фронтového альбома, 1942 г.

Бравый солдат Швейк воюет против Гитлера

В годы Великой Отечественной войны на территории Советского Союза действовала чехословацкая радиостанция «За национальное освобождение». Чехословаки впервые услышали ее позывные в конце июля 1941 года.

Работники станции решили призвать на военную радиослужбу любимейшего народного литературного героя — бравого солдата Йозефа Швейка.

Один из редакторов и дикторов радиостанции «За национальное освобождение», Густав Бареш, готовит сейчас к печати книгу воспоминаний. Мы печатаем взятые из этой книги выступления бравого солдата Швейка по радиостанции «За национальное освобождение».

КАК ШВЕЙК ОТПРАВИЛСЯ НА ВОЙНУ

...Я еще лежал в постели и думал, что же мне делать, как вдруг кто-то позвонил. Пани Мюллера, вечная ей память, была наверняка уже в раю. Пришлось самому вставать и открывать.

За дверью стоял незнакомый пан в котелке и все время подмигивал то правым глазом, то левым — совсем как один человек из Глубочеп, про которого люди говорили, что он дурацкий и что один пол в нем подмигивает другому. Вдруг этот пан заговорил:

— Пан Швейк, великогерманский рейх Адольфа Гитлера вступил в гигантскую битву от Северного Ледовитого океана аж до африканской пустыни Сахары, где живут те самые верблюды, что долго могут не пить. Без вас, пан Швейк, на войне не обойтись. Сами понимаете: новый порядок в Европе надо создавать.

А вы знаете, иногда ведь и самые лучшие намерения люди плохо понимают. Взять хоть того старосту в Нижних Сугличках. Он был неженатый, детей не имел, а по характеру — прямо огонь! Каждый вечер, бывало, напьется вдрызг, влезет в пивной на стол и кричит:

— Что это за порядок! Никакой это не порядок! Вот я наведу здесь новый порядок!

И все при этом должны были орать: — Да здравствует наш дорогой пан староста! Потом как снег на голову приехала комиссия ревизовать общественную кассу. Приехала и видит: пан староста висит на вожжах в амбаре. А на столе записка: «Мир меня не понял». А в кассе два австрийских крестера да два жестяных кружка, которые оказались собачьими бирками. Вот тебе и новый порядок!

Тут я стал одеваться, сунул руку в карман к тому пану, который за мной пришел, и — представьте себе — вытащил оттуда свой серебряный портсигар, подаренный мне одним паном советником, которому я привел сбежавшего от него пуделя.

— А ты проворный парень, — сказал я ему строго. — Ну да ладно, пойдем. Гитлер объявил войну России, и нам надо поторапливаться. Видать, ему там не очень-то легко, если за мной послали.

ШВЕЙК ВЕРБУЕТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Решил я нанять чешскую добровольную маршевую роту для германских погребальных нужд. Прихожу в штаб немецкого командования за разрешением. Там смотрят на меня подозрительно, крутят головы: как бы, дескать, люди не истолковали это по-своему. Но я их убедил.

— Господа, — говорю, — дело это задумано серьезно. Каждый должен сделать для рейха все, что в его силах. Ведь если у пана Гитлера останутся солдаты, не закопанные в землю, от этого пострадает честь всей немецкой армии!

Убедил. Один лавочник из Жижкова подарил мне свою лавочку — все равно торговать было нечем. Принес я из дому старую вывеску «Йозеф Швейк, торговля собаками». «Торговлю собаками» замазал, а сверху мелом написал: «Ищу добровольных могильщиков для великогерманского рейха».

Повесил вывеску на двери и стал ждать. Пришла одна старушка и спросила, когда будет мука.

— Дорогая мамаша, — объясняю ей, — мукой торговать не будут до тех пор, пока не найдется достаточное число могильщиков для рейха.

Вечером в трактире «У чаши» я жаловался, что никто не замечает вывески на моей лавочке. Пан советник Пентличка сказал, что я действую слишком старомодно. Об этом, говорит, надо дать объявление во все газеты. А тут как раз сидел один студент, который только что вышел из тюрьмы. Он сразу же предложил мне свои услуги.

На другой день я шагнул в издательство газеты «Политика» с объявлением. Вот как оно выглядело:

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ЧАСТУШКИ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Удивляется народ у московских у ворот: немцы ходят

в наступленье только задом наперед.

Пишет Ганс сестренке Марте: «Мы Москву захватим в марте».

Отвечает Марта так: «Был дурак и есть дурак».

Из Берлина полк СС завалился в русский лес. Лез он, лез он, лез он, лез и долез аж до небес.

На морозе еле-еле рота немцев шла вперед. Мы ту роту так огрели, что от роты дым идет.

1942 г.

«ЧЕХИ!»

Наконец-то у вас есть возможность доказать,

КАК

вы любите великого фюрера пана Адольфа Гитлера!

Кто из вас откажется КОПАТЬ МОГИЛЫ ДЛЯ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА И ДЛЯ ВЕЛИКОГЕРМАНСКОГО РЕЙХА?

НЕ РАЗДУМЫВАЙТЕ

ни секунды!

ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В ЧЕШСКУЮ ДОБРОВОЛЬНУЮ СОТНЮ МОГИЛЬЩИКОВ, которая в самое ближайшее время отправится на Восточный фронт для участия в весеннем НАСТУПЛЕНИИ!

Заявления принимает Йозеф Швейк. Прага XI, Карлова улица.

Объявление в «Политике» напечатали, правда, с маленькими поправками. Успех был огромный. Заявления подавали даже школьники и старики.

Вечером я снова сидел в трактире «У чаши». Вдруг прибегают дворничиха, растрепанная, застывшая, и кричит, что меня ждут господа из гестапо из-за какого-то объявления в «Политике». Пришлось пойти объяснить господам, что на это дело у меня есть разрешение от самого высокого начальства.

Каждое утро три почтальона приносили мне полные сумки писем с предложениями. Например, могильщик с Ольшанского кладбища писал:

«Как высококвалифицированный могильщик, заявляю, что готов закапывать генералов и офицеров от обер-лейтенанта и выше, а также маршалов. Охотнее всего закопал бы пана Гитлера».

Пришло письмо и от одного вахмистра в отставке:

«Я служил при государе императоре Франтишке Йозефе Первом — вечная ему память. Готов поступить к вам, если вы можете мне обещать место председателя общества заслуженных могильщиков великогерманского рейха».

А из Моравской Остравы пришло письмо, которое я только успел прочесть, и его тут же у меня конфисковали гестаповцы. А знаете, почему? Там было написано: «Нечего вам ехать на Восточный фронт. Будет у вас и здесь работы по горло».

С чешского перевел П. ПРОНИН.

ПОЧТИ ПО НЕКРАСОВУ

— А что, у отца-то большая семья?

— Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то: отец мой да я. И все партизанят.

Рисунок В. ГОРЯЕВА. 1943 г.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Песенка о Максиме

На границе, где ветлы-березки,
Где теперь нам пришлось воевать,
Там служили-дружили два тезки,
И обоих Максимами звать.

Был один пулеметчик толковый:
— Познакомьтесь с Максимом моим!
А другой пулемет был станковый,
По прозванию тоже Максим.

Крепко связаны дружбою старой,
Каждый день шли в походы, в бои
Неразлучно дружною парой
Оба тезки — Максимы мои.

Очень точно наводит наводчик,
Пулемет же без промаха бьет.
— Так, так, так! — говорит пулеметчик,
— Так-так-так! — говорит пулемет.

От осколка залетной гранаты
Раз попало обоим — двоим.
Пулеметчик был ранен, ребята,
Поврежден пулемет был Максим.

Дни леченья проносятся мимо,
И дружку произведен ремонт:
И опять оба тезки Максима
Возвращаются вместе на фронт.

Знать, за то, что в бою нестерпимо,
С максимальной силою бьет,
И зовут того парня Максимом,
И Максимом зовут пулемет.

1941 г.

ГЕСТАПОВЦЫ ПОЮТ «КАТЮШУ»

— Ой, это ж мой чемодан идет! — воскликнула Мария Ильинична Груздова и судорожно схватила своего спутника подпольщика Николая Давыдовича Слободяника за рукав.

Чемодан по причине своей неодушевленности сам идти, конечно, не мог. Мария Ильинична оговорила от изумления.

Удивляться было чему. Груздова в последний раз видела свой чемодан у себя на квартире. И отлично знала, что там, у нее дома, надеясь захватить кого-либо из членов подпольной организации, засели два гестаповца.

А спутать свой чемодан с другим она не могла. Он отличался странной формой и не менее странным цветом.

...Подпольщики двинулись вслед за несшим чемодан. Его опознали, когда он постучал в дверь того дома, где ныне скрывалась Мария Ильинична. Ва, да это ж свой человек, рабочий железнодорожного депо Антон Печенев — в подполье «Тосик».

Тосик знал, что Мария Ильинична

убежала из своего дома в легком ситцевом платье, не успев захватить чемодан, куда сложила одежду. Наступил уже сентябрь. А чтобы тогда, в 1942 году, приобрести в Киеве теплые вещи, надо было иметь целое состояние.

И Тосик, не промолвив никому ни слова, решил помочь подпольщице. Он стал выслеживать выслеживающих. «Наблюдения» велись по слуху. Тосик поднимался по черному ходу и прикладывал ухо к двери...

Первое время гитлеровцы были сверхбдительны. Они спали по очереди, не расставаясь с оружием. Ходили только на цыпочках. Говорили только шепотом. Пищу им приносили по ночам.

Но потянулись недели, острота притупилась. Гестаповцы раздобыли изрядное количество шнапса и патефон с одной пластинкой — популярной русской «Катюшей». Озверев от скуки, они заставляли бедную Катюшу выходить на берег ежедневно по двадцать — тридцать, а то и по сто раз.

«Конспираторы» во все горло подтягивали патефону, как им казалось, на чи-

стейшем русском языке. А до слуха Тосика долетали диковинные слова:

Выйхейтила найбериг Катюша,
Най выйсокай берей,
Найкрутойт.

Пока гитлеровцы «учились» русскому языку, Печенев научился по слуху определять, сколько спиртного они уже успели хлебнуть. Прямую пропорцию между количеством выпитого и громкостью песнопения они соблюдали неукоснительно.

Как-то днем, когда рев в комнате, где засели гитлеровцы, достиг апогея, а мать Груздовой Прасковья Яковлевна находилась на кухне (позвякивали кастрюли), Тосик тихо постучал.

Прасковья Яковлевна приоткрыла дверь и, увидя незнакомого человека, слегка ахнула. Тосик быстро приложил палец к губам и на секунду принял позу человека, несущего в руке кладь.

Такой язык Прасковья Яковлевна поняла без переводчика. Она кивнула на простенок между плитой и кухонным столом, где стоял чемодан...

На следующее утро, опасаясь, как бы гитлеровцы не обнаружили исчезновения чемодана, смелая старушка перешла в решительное наступление. С пеной у рта она набросилась на старшего по чину, тучного Людвиг (который немного понимал по-русски), требуя ответа, на сколько бутылок шнапса они через своих «снабженцев» выменяли ее лучшее пальто и другие вещи.

Мария Ильинична до сих пор хранит уникальный чемодан в память о том, как подпольщики одурачили гестаповцев и помогли товарищу по подполью.

В. ДРОЗДОВ,
генерал-майор в отставке

Плакат Бориса ЛЕО. 1942 г.

Гитлеровский документ «О будущем города Петербурга» гласил: «В случае захвата или сдачи Петербурга... фюрер решил стереть город с лица земли... После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта».

Эти бредовые мечтания фашистских параноиков вызвали у ленинградцев презрительную усмешку.

Уже 23 июня 1941 года на Невском было вывешено первое «Окно ТАСС» — плакат Ник. Игнатъева: широко разинутую пасть фашистского гада пронзил красный штык. Под карикатурой подпись:

«Ты привыкла, гадина,
Лопать, что украдено.
Будет тебе, гадина,
По-советски дадено!»

И «дадено» было, как известно, не в шутку!

Вместе с мощными залпами батарей Балтийского флота, грозными ударами танков и авиации били по гитлеровцам залпы сатирических плакатов, регулярно появлявшихся на стенах осажденного города-героя.

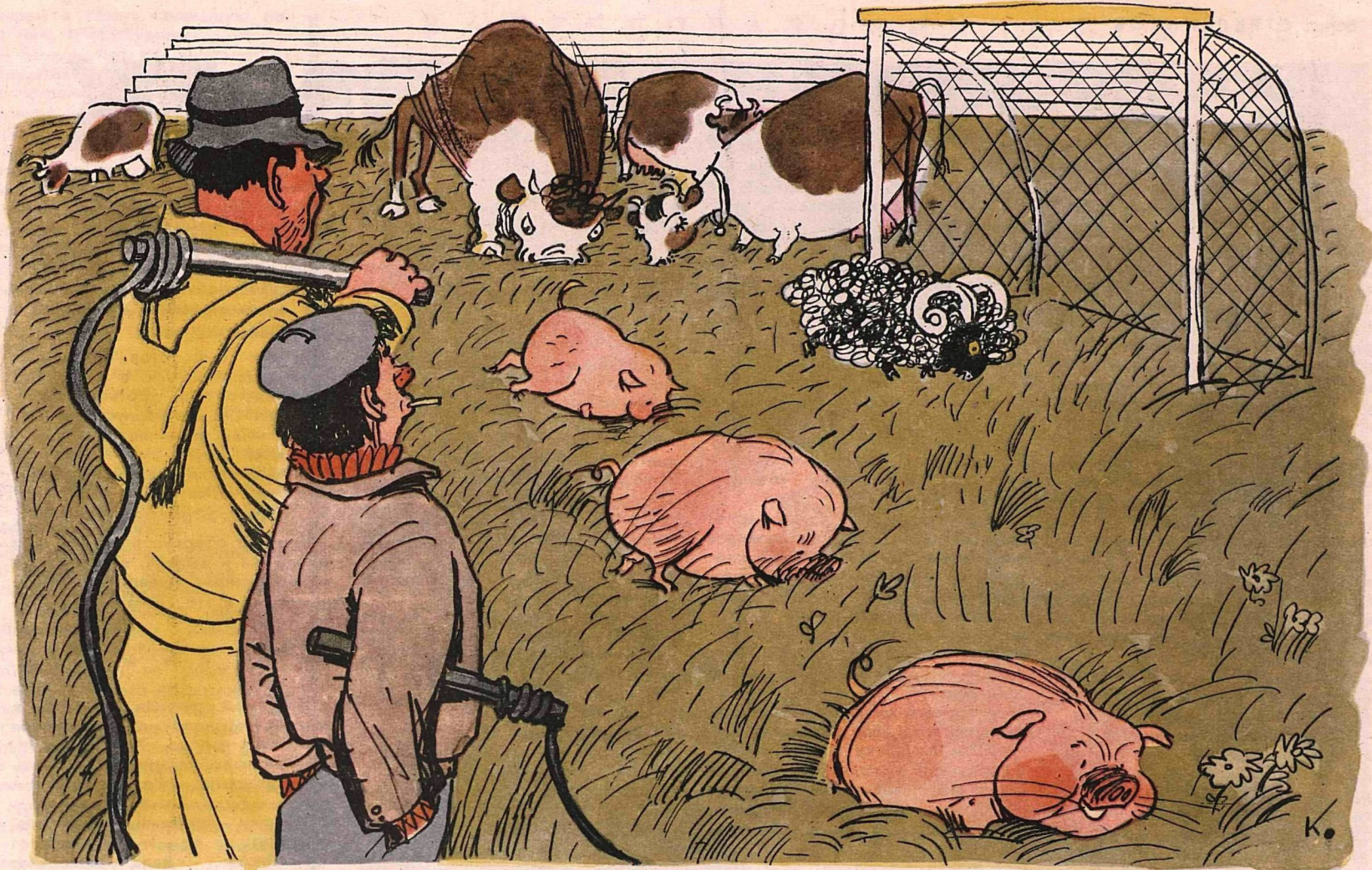
Оперативно откликнулись на волновавшие народ события художники Н. Игнатъев, В. Слыщенко, Б. Лео и многие другие. Активно работали в «Окнах ТАСС» поэты Ольга Берггольц, В. Саянов, А. Прокофьев...

Конечно, верно, что смеется тот, кто смеется последним. Исключения лишь подтверждают это правило. Уверенные в своей победе, ленинградцы начали смеяться первыми. Но они же отлично посмеялись и последними!

Г. МАРКОВ,

**БЫЛИ
ВОЕННЫХ
ЛЕТ**

— Кажется мне, что баран опять пасется в офсайде!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Дмитрий ПОЛИНИН

Интервью влюбленных

Ташкент.
Весна.
От вашего спецкора...
С каким трудом я нахожу слова!
Шумит, поет, звенит
весенний город.
Два цвета в нем —
кумач и синева.
Огни и звезды
спорят над Анхором,
И по воде
плывет
их зыбкий свет.
В весенний вечер —
необычный форум:
Здесь форум
всех
Ромео и Джульетт.
Одной из них
я говорю учтиво:
— Всего на миг
от звезд
вас оторву...
И вот впервые
у плакучей ивы.
Беру я
у Джульетты
интервью.
В весеннем платье,
легком и красивом,
Так грациозна
и стройна она...
В театре трудится.
Актрисой?
Нет, кассиром
И потому
почти на «ты»
с Шекспиром
И, как его Джульетта,
влюблена...

Нигде-нигде
свободной нет
скамейки,
Цветы —
сирень, тюльпаны —
нарасхват.
Парнишка слезно просит
две копейки.
Он бросил бы
червонец
в автомат!
А мне
Ромео
выручить приятно.
И вот
уже слышны
обрывки фраз.
Код всех влюбленных —
вроде эсперанто.
«Без двадцати...
на том же...
Це... сто раз».
И вот парнишки
нет уже в помине.
Я думаю
о сказанном в конце.
Надеюсь,
речь не шла о витамине,
Хотя и ценном
витамине «С».
Его
я так прекрасно
понимаю,
И я прошу
не ставить
мне в укор.
Весной
в Ташкенте
накануне мая
В таком же
положении
ваш спецкор.

МЕРОПРИЯТИЕ

Обернитесь, пожалуйста. Если через ваше плечо не заглядывает член семьи, которого допускают только на дневные сеансы, я сообщу вам один секрет.

Так вот, детей не находят в капусте. Они появляются в полном соответствии с законами природы.

Может быть, потому выход в свет нового человека принято праздновать, как радостное событие. Потому рождение двадцати двух граждан города Туапсе было решено отметить торжественным актом массовой регистрации в клубе нефтяника.

Цвели улыбки. Благоухали цветы. Казалось, должно было произойти что-то волнующее.

Собравшиеся сели на свои места и тут поняли, что ничего волнующего не произойдет. Грузный человек скучным голосом зачитал положенный поздравительный текст и, скучая, пригласил родителей на сцену. Мама, обнимая свои бесценные свертки, сели в ряд. Папы стали сзади. Получилось что-то вроде ансамбля народной песни или фотоснимка «выпускники школы трамвайных контролеров». Тучный человек начал вручать свидетельства о рождении, и в голосе его зазвучала такая тоска, что собравшимся захотелось пойти домой, включить телевизор и для поднятия настроения посмотреть передачу о заготовке кормовой свеклы.

Однако они остались. В заключение празднования на сцене лицом к залу и спиной к погостившим мамам-папам выстроились пионеры. После тихого «три-четыре» пионеры громко выразили надежду, что у пионеров теперь будет подходящая смена.

По залу металась звонкие слова — «поздравляем», «желаем», — а над головами людей беззвучно и неотвратно висело одно-единственное слово, выражающее истинную суть того, что происходило: МЕРОПРИЯТИЕ. Скучное слово, от которого за версту несет формализмом.

В ЛОГОВЕ БИТЫХ

Майами, знаменитый морской курорт, весной 1961 года жил удивительной жизнью.

Внешне все было так же, как и раньше: тот же изумрудного цвета океан, те же белые песчаные пляжи, те же длинные лохматые пальмы, под кронами которых по вечерам вспыхивают разноцветные лампочки. Как и прошлой весной, в зале роскошного отеля «Саксония» шло «сражение красоты с очарованием» — конкурс на звание самой прекрасной девушки Майами. И точно так же, как прошлой весной, сука по имени «Изменница» взяла приз «Большой бриллиантовой косточки» на традиционных собачьих гонках.

Как будто все было так, как всегда. Но не было спокойствия. По вечерам небо над городом обшаривали прожектора. Когда они гасли, в небе слышался гул авиационных моторов. Невидимые самолеты без бортовых огней один за другим шли в сторону Кубы.

По ночам от пустынных пляжей Майами уходили в море моторные боты. Они возвращались к рассвету, оставив позади себя взрывы в Гаване и пожары на плантациях сахарного тростника.

Город-курорт стал городом-диверсантом. В Майами расположился главный штаб кубинских контрреволюционеров. В испанском районе города открылись вербовочные пункты армии наемников. Пентагон и Центральное разведывательное управление США готовили здесь вторжение на Кубу.

Мы, трое советских журналистов, прилетели в Майами, когда вторжение началось. В аэропорту нас встретили американские репортеры. Это было неожиданностью. Ведь никому, кроме государственного департамента, мы не говорили, что собираемся в Майами.

Один из журналистов, встретивших нас в аэропорту, спросил: — А вы, ребята, не боитесь? Вас ведь могут здесь, ну, скажем, взять в качестве заложников, избить... или что-нибудь еще в этом роде. Кубинские беженцы — народ отпетый. Для них законов не существует!

— Разве им тоже известно о нашем приезде? — удивились мы.

— Если даже пока не известно, они узнают об этом завтра утром, — загадочно ответил американский коллега.

Здесь же, в аэропорту, мы арендовали автомашину. Выбрали открытый «шевроле» ярко-красного цвета и поехали в город.

Ветер раскачивал зеленые лапы пальм, и город был наполнен их тревожным шелестом. Ветер щелкал огромными рекламными полотнами, гнал над океаном грозные тучи. На горизонте что-то глухо ворчало — не то гром, не то далекий гул орудий.

В городском саду рыдали женщины. В черных траурных платьях, в черных платках, они воздевали руки к небесам, бились в истерику, рвали на себе волосы.

Глава из книги «Как вы там, в Америке?».

Мужчины с черными лентами на рукавах шептали молитвы и проклятия. Их собралось здесь не меньше двадцати тысяч. Это были родственники тех, кто вчера ночью уплыл из Майами к кубинским берегам.

К нам попал список контрреволюционеров, взятых в плен на кубинском берегу. Он был похож на перечень знатных членов гаванского яхт-клуба. В графе «профессия» мы читали: «владелец магазина в Гаване», «владелец ресторана в Сант-Яго», «сын известного финансиста», «офицер армии Батисты».

Уже стемнело, когда ярко-красный «шевроле» остановился неподалеку от двухэтажного кирпичного дома на углу бульвара Бискейн и 16-й улицы. Здесь главный штаб кубинской контрреволюции. Мы решили побывать в нем до того, как выйдут газеты с информацией о нашем приезде.

На террасе около автомата «кока-кола» и ящиков с пустыми бутылками о чем-то горячо спорят по-испански молодые брюнеты в спортивных рубашках навыпуск. Им явно не до нас, и мы проходим мимо них в помещение штаба.

Как жалко выглядит штаб разбитой армии!

В коридоре грязно, наплевано, на полу кучи окурков, обрывки грязных бинтов, клочки плакатов. То и дело звонят телефоны. За закрытой дверью слышна брань. Нас принимают за американцев. Нам говорят: «How do you do!»¹, и мы отвечаем: «How are you?»².

¹ Здравствуйте!
² Как поживаете?

Мы идем от двери к двери, и нам, советским журналистам, вежливо уступают дорогу, даже дают пояснения.

Вот распахивается дверь, и мы видим радиста, прижавшего к ушам чашечки наушников. На лице его растерянность. Аппарат молчит. Нам говорят, что связь с высадившимися отрядами оборвалась.

Услужливый старичок предлагает нам какой-то листок. Это изложение последней речи президента Кеннеди. Ниже контрреволюционный штаб выражает президенту США свою самую глубокую холопью благодарность за моральную и материальную поддержку.

— Что слышно с Кубы? — спрашиваем мы.

В ответ старичок растерянно разводит руками и изображает на морщинистом лице что-то вроде улыбки.

И вдруг мы слышим:

— А, ТАСС!

Американский журналист из Нью-Йорка узнал корреспондента ТАСС Владимира Богачева и радостно кричит об этом на весь штаб.

— Сейчас тебя будут линчевать, мой дорогой друг!

Богачев с преувеличенной радостью обнимает своего знакомого и ласково говорит ему на ухо:

— Мой дорогой друг, не забудь, что в Москве есть американские корреспонденты...

Наш американский коллега оказался сообразительным парнем. Он гоготал, как взволнованный гусь, хлопал Богачева по плечу, но не произносил больше ни слова. Насторожившиеся было ку-

бинцы успокоились. Они либо не расслышали слова «ТАСС», либо приняли за фамилию.

Но когда я выходил из штаба, меня остановил какой-то верзил в полувоенной форме, с усиками над пухлыми влажными губами.

— Покажите ваши документы!

Я уже был готов к этому и предьявил пропуск в кафе для журналистов на третьем этаже здания ООН. На пропуске не было ни моей фамилии, ни названия моей газеты. На нем вообще ничего не было, кроме двух больших букв: «UN»³.

— Пабло! — позвал кто-то.

Верзила обернулся на зов, а я поспешил к выходу, в темноту, к ярко-красному «шевроле», мотор которого, я это слышал, был уже включен.

* * *

Ночь мы решили провести в маленьком неприметном мотеле на краю города. Хозяин, крупный курчавый старик с лохматыми бровями, обрадовался нам так, как будто мы были его родственники, приехавшие наконец погостить.

— Плохи дела, — жаловался он, пока мы заполняли анкеты. — Туристов нет, отели пустуют. Фронтовой город, что вы хотите! Если так дело пойдет, мы провалимся в преисподнюю вместе со всеми нашими гончими суками и очаровательными красотками. Войной пахнет, что вы хотите!

Взглянув на анкеты, он неожиданно гаркнул по-русски:

— Га! Вы же имеете добрые российские фамилии! В Одессе не бывали?

Мы испуганно переглянулись: этого только нам не хватало! Нет, нет, честное слово, мы не из Одессы, мы из Нью-Йорка.

— Яшу Рубинчика в Нью-Йорке знаете? — прыгал вокруг нас старик. — В даунтауне торгует. Не знаете? Удивляюсь с вас. А Мишу Гершля знаете? Племянник невестки моего брата Гриши. Кто же он до меня будет? Не знаете, кто он до меня будет? Забыл, как по-русски называется. Сродственник, одним словом.

Окончательно убедившись, что мы не знаем Яшу Рубинчика и никогда не слышали о Мише Гершле, старик замолчал и посмотрел на нас с подозрением.

— А я помню Одессу, — сказал он, открывая ключом нашу комнату. — На Дерибасовской торговал вкрасом хромой рыжий еврей. То был мой отец. В пятом году был погром, и его растоптали ногами. А меня отбил у погромщиков сапожник Иван. Наш сосед. Русский. А то меня бы тоже растоптали ногами. Три года я жил у дяди Ивана... как сын. Как родной сын, хоть я и был некрещеный.

Утром, когда мы проходили мимо его конторки, он ткнул

пальцем в газету, лежащую перед ним, и пробурчал:

— Бачили, что пропечатано?

Двухэтажный заголовок на первой странице «Майами ньюз» («Лучшая газета под солнцем!») гласил:

«Здесь трое русских.

Ищут материал для разоблачения».

Майами нежилась под жарким апрельским солнцем. Солнечные зайчики скакали по стеклам белокаменных отелей, резвились в купальных бассейнах, вспыхивали на хромированных носках автомашин, убежали в бирюзовую даль океана.

Испанские и негритянские кварталы изнемогали от слишком щедрого солнца. Убогие хижины задыхались от жары, от вони и смрада мусорных свалок. Голопузые курчавые ребятишки тащили куда-то убитую крысу. Молодой негр брил на ступеньках дома слепого старика негра.

Юрий Барсуков, корреспондент «Известий», остановил наш ярко-красный «шевроле» у дома на четвертой авеню. Здесь — вербовочный пункт наемников. Вчера радио объявило: такие пункты закрыты по распоряжению американского правительства. Сейчас мы видим, что это ложь.

Если вербовочные пункты закрыты, то кто же эти люди, бегущие за нашей машиной с веревками и палками в руках? Задыхаясь, они изрыгают проклятия и, толкая друг друга, прыгают в кузов грузовичка, который устремляется за нами.

Отличная машина «шевроле»! Она может брать с места и отлично слушается руля.

— Улучшайте дороги! — кричит Богачев и приветливо машет рукой преследователям.

— Гр-р-р... а-а-а! — доносится из отставшего грузовичка.

Искупавшись в океане, мы связались по телефону с лучшей под солнцем газетой, чтобы поблагодарить за рекламу.

— Вы еще живы? — обрадовались на другом конце провода. — Ради бога, уезжайте. Не кладите грех на наши души. Вас убьют здесь.

Хозяин отеля встретил нас хмуро.

— Я имел звонки, — пробурчал он, кивая на телефон. — Пытались про вас.

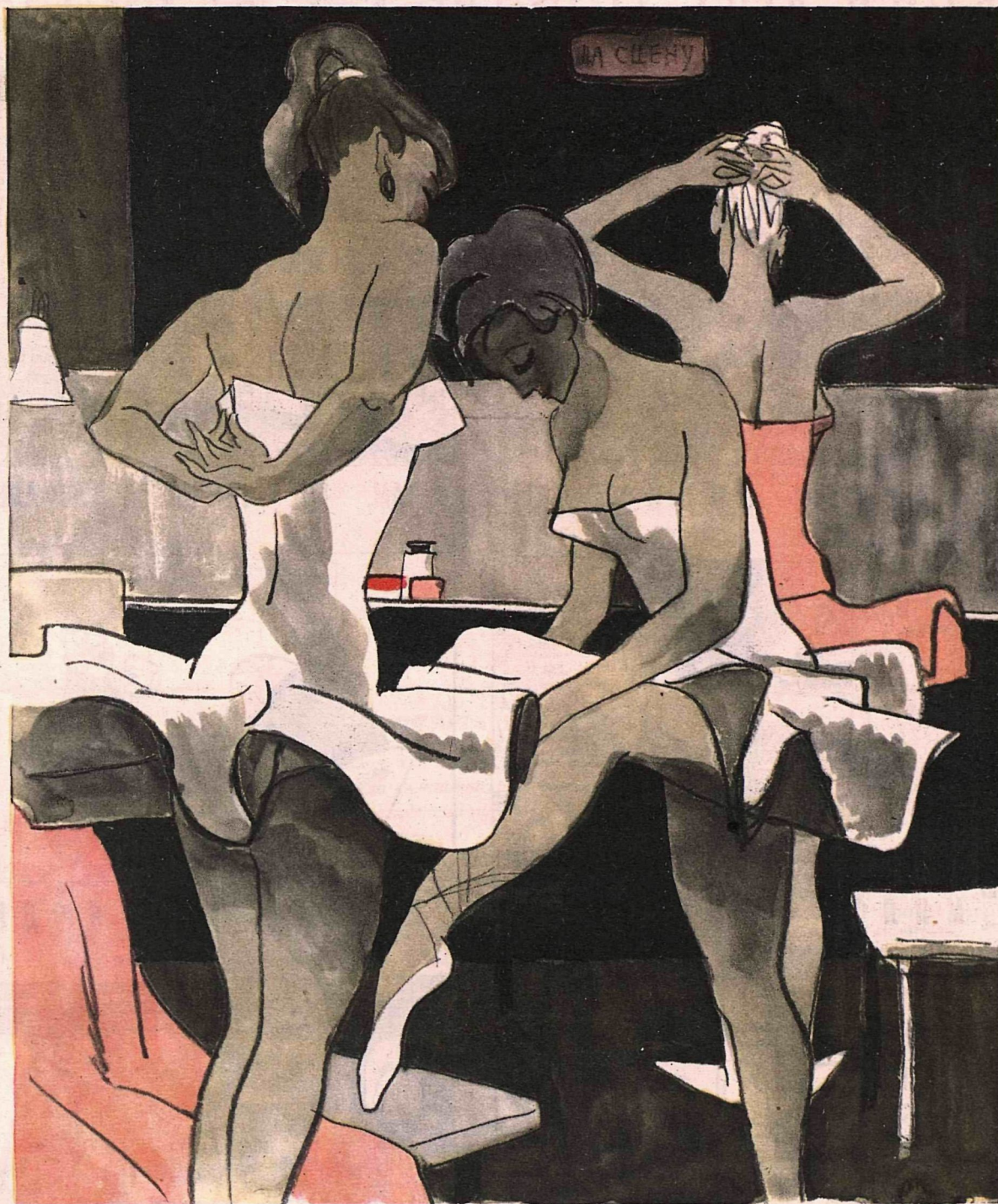
— Что же вы ответили?

Он посмотрел на нас как-то странно. Мне показалось, что во взгляде его была обида. Он угрюмо покачал головой, презрительно сплюнул сквозь зубы и проворчал, уходя:

— То-то и видно, что вы с Нью-Йорку. В Одессе таких нет. Его помощник, веснушчатый лопухий парень, с удивлением наблюдавший эту сцену и ничего не понявший, сказал:

— Что-то хозяин сегодня не в духе. Трижды кого-то посылал по телефону ко всем чертям, а в четвертый раз закричал: «Могу дать их почтовый адрес. Записывайте: Odessa-city, Ukraina — State, USSR, United States of Soviet Russia!». Какая муха его сегодня укусила?

¹ Город Одесса, штат Украина, СССР, Соединенные Штаты Советской России.

— Завтра собираемся у Ляли. Ох, и потанцуем!..

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Когда я был молодым, — говорил знаменитый врач, — я хотел стать художником.

— Почему же вы передумали и выбрали медицину?

— В живописи, — ответил врач, — все ошибки видны. А в медицине их хоронят вместе с больным.

*

При въезде в город Ригби, штат Айдахо, висит объявление: «Если вы едете со скоростью свыше 40 километров, вам предоставляется право посетить нашу образцовую тюрьму. Скорость свыше 60 километров дает вам право познакомиться с нашей превосходной больницей. А если вы превысите 80 километров в час, вас ждет наше показательное кладбище».

ПРОСТО АНЕКДОТ

Альберт Эйнштейн, возвращаясь домой, неожиданно обратился к швейцару:

— Простите, где живет профессор Эйнштейн?

Пораженный швейцар ответил: — Но... ведь вы и есть профессор Эйнштейн?!

— Это-то я знаю. Но я забыл, на каком этаже живу...

*

В Голливуде продюсер Селзник сказал знакомому актеру, когда тот представил его своей жене:

— Поздравляю! Уже давно у тебя не было такой милой жены!

Учитель ругает ученика:

— Неужели ты умеешь считать только до десяти? Просто ума не приложу, кем ты думаешь стать...

— Судьей по боксу!

*

— Месье, — говорит Морис учителю. — Отец мне сказал, что мы происходим от обезьян.

— Помолчите, Морис! — строго отвечает учитель. — История вашей семьи меня не интересует.

*

Дама жалуется адвокату на мужа, которого ненавидит.

— Так разведитесь! — говорит адвокат.

— Ну, нет! — отвечает дама. — Я страдала из-за него двадцать лет, а теперь вы предлагаете мне его осчастливить!

КИНОФЕСТИВАЛЬ КРОКОДИМА

Программа фестиваля составлена Л. КАМИНСКИМ (Ленинград).

Что нового
в сатирическом
цехе

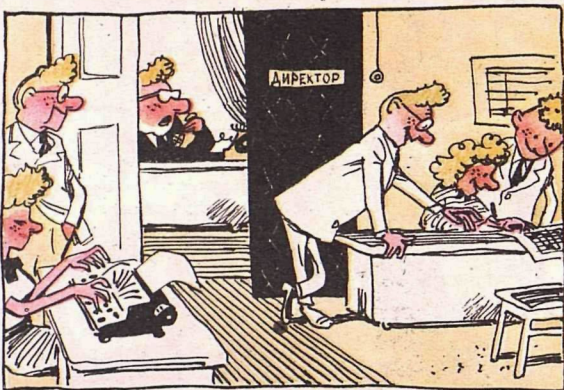
Художники: Е. ГОРОХОВ, А. ГРУНИН, А. ЕЛИСЕЕВ, В. КАНЕВСКИЙ, М. СКОБЕЛЕВ, С. СПАСКИЙ, А. ЦВЕТКОВ.

АДСКИЕ ВОДИТЕЛИ

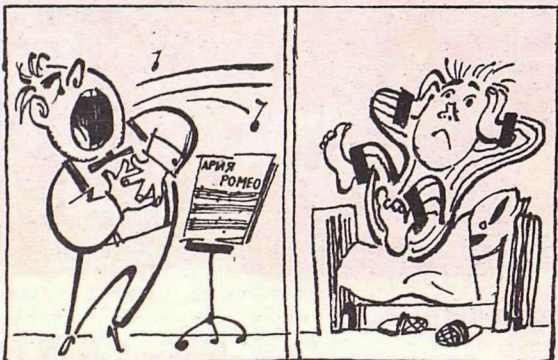
ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

МИЛОЕ СЕМЕЙСТВО

ВЕРЬТЕ МНЕ, ЛЮДИ!

РОМЕО, МОЙ СОСЕД

ОСТОРОЖНО, БАБУШКА!

КИЕВ. Библиотека «Перца» пополнилась сатирическими стихами и баснями П. Слипчука «Разрисованный столб».

«Радянський письменник» издал сатирические и юмористические стихи М. Белецкого «Набы свиные рога...». Основные разделы сборника — «Лежачего бьют», «Взрослым про детей» и «Волчий юбилей».

В том же издательстве вышел сборник П. Глазого «Коротко и ясно». Тут представлены ряды с сатирическими стихами шуточные поэмы «Тарас Бульба в Киеве» и «Кумида».

МИНСК. Очередная новинка Библиотеки «Вожыка» — юмористические стихи Р. Бородулина «Дойный конь».

Белорусский академический театр имени Янки Купалы поставил комедию грузинских драматургов Н. Думбадзе и Г. Лордипанидзе «Я, бабушка, Илик и Илларион».

ТБИЛИСИ. Юмористические стихи К. Исанадзе «Удачливая супруга» появились в Библиотеке «Ннанги».

БАКУ. Издательство «Азернепр» выпустило сборник антирелигиозных стихов, рассказов и фельетонов «Тени прошлого». Театр русской драмы показал комедию польского драматурга Т. Кажушника «Сверчок, или Бюро добрых услуг».

ОДЕССА. Книга юмористических рассказов В. Подольского «Бывает иногда и так...» вышла в издательстве «Маяк».

СТАВРОПОЛЬ. Краевое книгоиздательство предложило читателям сборник стихов и басен С. Заландина на ногайском языке.

ДОНЕЦК. Областным книгоиздательством выпущен сборник стихотворений Г. Кривды «Лирика, юмор, сатира».

ТАШКЕНТ. Вышел сборник сатирических рассказов Мирмухсина «Человек-горлица» (издательство «Ташкент»).

Издательство «Еж гвардия» выпустило книжку басен и эпиграмм М. Худайкулова «Перепелка на гастролях».

САМАРКАНД. Театр оперы и балета поставил музыкальную комедию С. Юдакова «Проделки Майсары» (по пьесе Хамзы Хамид-Заде Ниязи).

ЛОНДОН. В театре «Тауэр» состоялась премьера комедии А. Софронова «Миллион за улыбку».

В полночный час к жене
законной
Иван Кузьмич спешил домой.
Он задержался у знакомой
(Не уточняем, у какой).
Предвидя вновь скандал и ругань,
Он думал, что сказать жене:
«Скажу, случайно встретил
друга,
С которым был на целине!
Но ведь она начнет кричать,—
Мол, сколько можно их
встречать!
Сказать, что сторожу больному
По поручению месткома
Носил в больницу ананас?
Нет, эта басня ей знакома:
Я этот самый ананас
Носил уже пятнадцать раз!
Сказать (вот, кажется, идея!),
Что пел я в хоре заводском?
Но хор кончает ровно в девять,
А где ты, спросит, пел потом?!

Владимир КОНСТАНТИНОВ
Борис РАЦЕР
Спасибо сценаристам!
А может, все сказать ей прямо,
Мол, виноват, мол, стыдно мне?...
Вдруг фильма нового рекламу
Супруг увидел на стене.
Фильм назывался «Футболисты».
В момент все было решено!
Взбежал по лестнице он быстро.
— Ну, где ты был?
— Я был в кино.
Про футболистов шла картина,
А я футбол люблю давно!
— Представь, и я сегодня
с сыном
Смотрела это же кино!
Ну, расскажи, какой сюжет там?
Беднягу сразу — в жар и
в дрожь...
Всего он ждал, но как же это!

«Пропал! Пропал я ни за грош!»
Он воскресил в уме мгновенно
Сюжеты многих кинолент,
Все кинофильмы про
спортсменов,
Что видел он со школьных лет.
Сюжеты были так похожи,
Что мысль мелькнула у него:
А вдруг он выкрутится все же,
Пересказать картину сможет,
О ней не зная ничего?
— Там ситуация такая,—
Сказал он, покраснев слегка.—
Одна команда заводская
Взрастила чудо-игрока.
Ну, он, естественно, зарвался,
От коллектива оторвался,
Стал пить и тренеру грубить,

Ни с кем уже не пасовался,
А сам старался гол забить.
Но тут любовь пришла
к спортсмену,
И под влиянием милых глаз
Он перестроился мгновенно,
Играл в финале вдохновенно,
Давал партнерам точный пас.
Ну, а в конце — фанфары, трубы,
Спортивной песенки мотив.
Одной рукой он обнял кубок,
Другой — жену и коллектив...
— Ты видел фильм! — жена
сказала.—
Все совпадает. Стыдно, но
Мне показалось сначала,
Что ты пришел не из кино!
Супруг воскликнул: — Да,
стыдись ты!..
А сердце пело у него:
— Спасибо киносценаристам
За их талант и мастерство!

КНИЖКИ-НИКУДЫШКИ

«Старая цена — 57 коп.,
новая цена — 10 коп.»
Из книжной рекламы.

Залежались книжки серые,
Так сказать, мышиной серии.
Ну, кому они нужны
И со скидкой богато —
За четвертую, и пятую,
И осьмую часть цены!
Дорогие покупатели
Строгий свой свершают суд.
Уцененные издатели
Горько вздохи издадут!

Владимир ИВАНОВ

С удовольствием не сделаем!

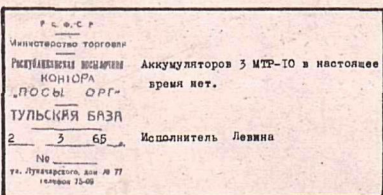
Накануне 8 марта ростовчанин Я. Прядно получил письмо, которого ждал с нетерпением. Из конверта выпала симпатичная открыточка.

Я. Прядно сперва смотрел на открыточку с удивлением, но, прочитав изложенное на обороте ее, просиял.

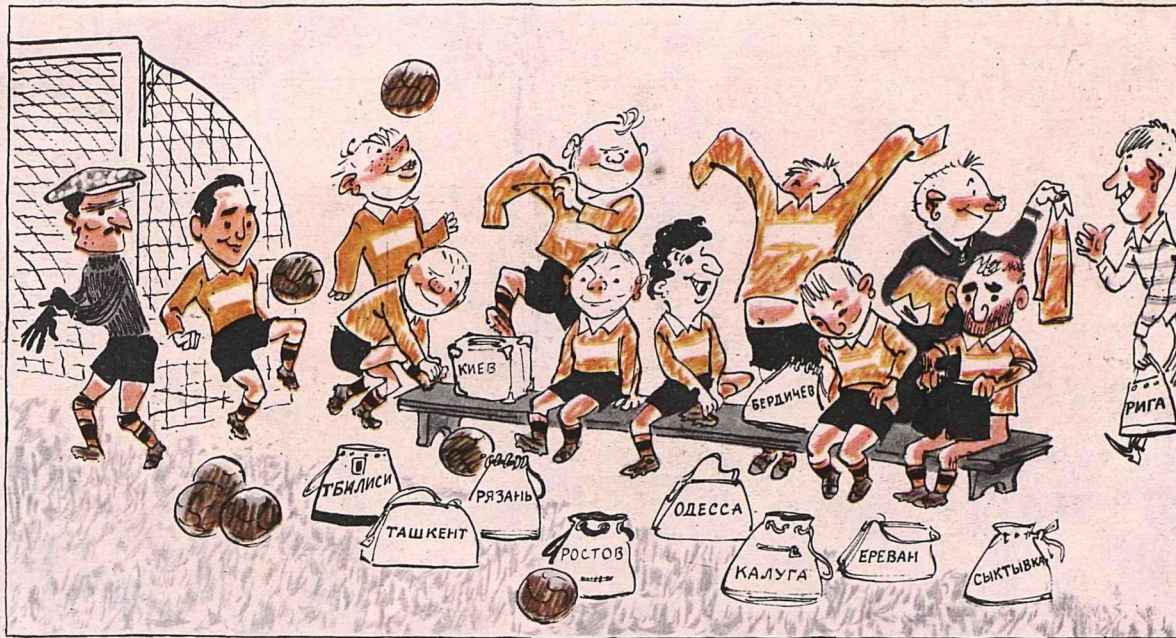

— Ах, какие приятные люди на Тульской базе Посылторга! — радостно воскликнул он. — И заказ мой выполнили и поздравить не забыли. Правда, я не женщина, но в конце концов муж и жена — одна сатана. Получай, дорогая! Он передал открытку жене. — А где же уведомление о высылке аккумулятора, который я у них заказал? Ага, вот и оно! Я. Прядно вынул из конверта вторую бумажку и пошатнулся. Уведомление гласило:

Н. М.

ОДИННАДЦАТЬ НЕ ИЗ МЕСТНЫХ

Команда города сформирована...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА по теме Н. Федорко (Ленинград), присланной на конкурс.

Узелки на память

К врачу симулянт не пошел: боялся, что ему непоздоровится.
Мечту о механизации работ грузчики вынашивали на спине.
Из игрушек в детском саду был переходящий кубик.
Посетители столовой толкли воду в супе.
В кампанию по экономии электричества включился, но помимо счетчика.

«Без входящих — не входите!»
Кляузник ссылался на факты, о которых знал по ослышке.
Освоили производство ничего не говорящих кукол.
Числился в коллегии адвокатов, а на деле был левым защитником.
Водка в закуской продавалась распивочно, а выносить разрешалось только посетителям.

Автор вдохнул в своего героя жизнь, но, к сожалению, загорбнью.
Когда симфонии модерниста были отвергнуты, он начал писать демарши.

Шофер такси так долго возил пассажира, что тот накатал жалобу.

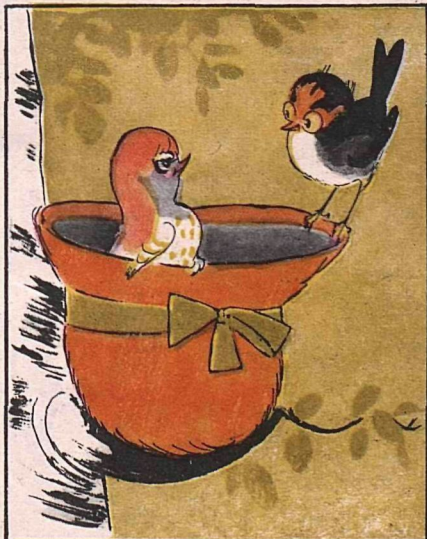
Т. КОНСТАНТИНОВ

Г. ЖАМИДИН

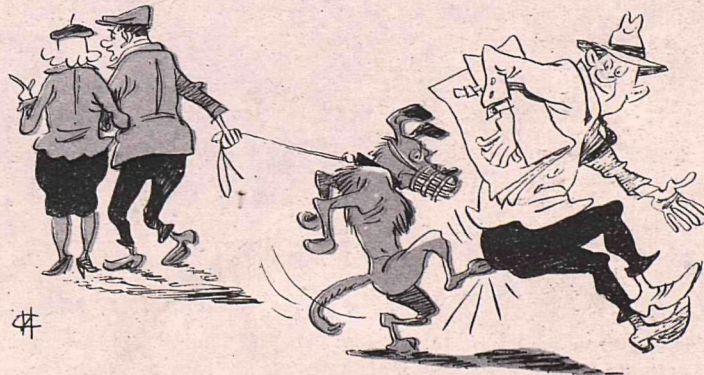
Послушный сын

— Сынок, не слушайся отца! —
Твердит сыночку мать. —
Мое лишь слово до конца
Ты должен почитать.
— Какая польза молодцу
От женских слов, джигит?
Доверься, дорогой,
отцу! —
Отец сынку твердит.
Сынок послушался
как мог
Родителей своих:
Теперь не слушает сынок
Ни одного из них.

Перевод с лезгинского
Андрея ВНУКОВА.

Н. М.

— Надоело платить штрафы — надел Джеку намордник!

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Ну как, идет мне эта шляпка?

Рисунок М. БИТНОГО

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86.

Издательство «Правда».

А. 02278. Изд. № 352. Подписано к печати 17/IV 1965 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 2 900 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л. Заказ 1079.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

2 9 АПР 1965

222

1785 3^м

НАПАЛМОВАЯ ВЕТВЬ АМЕРИКАНСКОГО «МИРОТВОРЦА»

СОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬ ЗА ВЕКЩАМИ
1965 Г.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА